

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САМИЗДАТ

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ • АВГУСТ – ДЕКАБРЬ 2001 ГОДА • САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Судьба человека трагична,
его будущее – ничто.
Будущее человечества
обычно видится
светлым и прекрасным.
И хотя человечество –
совокупность индивидуумов,
эти судьбы читаются
по-разному.
Природа заботится
о сохранении вида,
а не индивидуума.
Человек с каждым часом
приближается к смерти.
Человечество, в идеале,
должно двигаться
в противоположном направлении.
Мрачные теории
о крахе цивилизации
и неутешительные реальные итоги –
не попытка ли
уходя хлопнуть дверью
и затащить в пропасть все человечество?
Поиск личной свободы, мистика,
богоборчество и боготворчество,
генная инженерия и клонирование,
проникновение в космос –
это надежда на преодоление
бренной сущности.
Что остаётся человеку?
Либо замолчать,
либо взять в руки
перо и бумагу...

2001 год ушёл. Ужас настоящего выразился
в нём столь полно, что кажется уже невыразим
словом. Отчаянная попытка человеческим языком
засвидетельствовать очевидный крах гума-
нистического сознания и культурно-мифо-
логического способа создания текстожизни, может
быть, единственно достойная форма бытия в
надвигающемся хаосе. В Едином Тексте – а именно
так можно рассматривать стихи второй половины
ушедшего XX века – есть и предчувствие катастрофы,
и ужас богооставленности, и скептическое
презрение к прелестям и несущностным оболь-
щениям. Единый Текст включает в себя то, чем
полнится наше сознание, то, что вместе с кровью
длит нашу жизнь. На сломе времени, на стыке эпох
человечество нуждается в самоидентификации
и тогда обретает Голос, голос Поэта.

2001 год ушёл. Им помечены четыре номера
АКТа – единственного в Петербурге издания,
печатающего только стихи. Стихи, возможно,
единственная стихия внеиерархическая – и маятник
славы и первенствования качается с широким
размахом, не сообразуясь с логикой обыденной
жизни и новым Табелем о рангах. Если можно
радоваться чему-то нынче, то активизации настоящей,
а не представительской, литературной жизни в обеих
столицах.

АКТ и далее, в 2002 году, намерен публиковать
лучшие стихи поэтов, в чьем творчестве отразился
изменчивый лик XX столетия и глядится век XXI.

Тамара Буковская

СТИХИ 80-Х

* * *

В праздничный вечер у тихой реки
Сплошь поголовно одни дураки
Я на отечество злиться устал
Если возможно, снимите с креста

НА ЛЕДЯНОГО МИЛИЦИОНЕРА

Я мертвяк. Исполнитель приказа.
В жизни я не заплакал ни разу.
Сапоги, кобура, португеля.
Если надо убить – я сумею.

*(в Кусково, где я работал пожарником,
однажды дежурные милиционеры
слепили из снега по-своему
очень выразительную скульптуру –
мильтон с собакой)*

НА ЧТЕНИЕ АЛЬМАНАХА

какие приятные дамские вирши
и дамы
и дамы наверное тоже приятны
грустят вот скучают
и пишут стихи в альманах

я может быть даже встречал их
а может не я
и в толпе замечал
и на взгляд отвечал
только вот подойти
и знакомство начать
не решался решиться

возможно и зря

не то чтобы счастье
на это немного надежды
но может быть грусть
удалось бы развеять чуть-чуть

или нет? –
усугубить? опошлить?
(не знаю)

а после?
а после, как сказала Н.Н.
а-борт

*1982, после того как меня
напечатали в «Дне поэзии»*

* * *

1
белый хлеб, сгущёнка, чай
нет, никак не нищета

2
чёрный хлеб, картошка, чай
нет, ничуть не нищета

3
крепкий сладкий чай
отнюдь не нищета

4
в конце концов
можно пойти в гости

1983 или 4

* * *

у меня есть друзья,
знакомые женщины
и если события
не происходят

слишком стремительно
я иногда успеваю принять
правильное решение

всё что мне нужно
это деньги
время и деньги

а чего не хватает вам?

**СПОСОБЫ БОРЬБЫ
С ПРОТИВНИКОМ,
ИМЕЮЩИМ
ПОДАВЛЯЮЩЕЕ
ЧИСЛЕННОЕ
ПРЕИМУЩЕСТВО**

находить уязвимые точки
и наносить внезапные удары
прятаться
скрываться
маневрировать
мимикрировать
держаться в тайне
стратегию и тактику

АЛМАЗНЫЙ МОЙ

он честный человек
а я подлец
ему пиздец
а мне венец

* * *

о птица-тройка
о Пригов Пригов

* * *

я к психологу пойду
пусть меня проверят
к эндокринологу пойду
пусть меня проверят
и к сексологу пойду
пусть меня проверят
к экстрасенсологу приду
пусть меня проверят

Сева:

я к психологу пойду
пусть меня проверят
и к сексологу пойду
пусть меня подучат
к венерологу пойду
пусть меня подлечат
к социологу приду
пусть меня учтут

* * *

я же не как ты
не замечаю их за километр
не
не

* * *

может быть
может быть
может быть и можно жить
можно жить
и можно быть

можно совесть позабыть
можно разум усыпить
можно чувства заглушить

может
может быть тогда
будут долгими года
долгими-короткими
тихими и кроткими

* * *

в шутку
себя поругать
если себя поругать
то в шутку

а то другие
всё ругают
и не шутят
никогда

* * *

жалко что мужик
а не баба
жалко что картинка
а не живая
жалко что чужая
а не своя
жалко что не любит
жалко что не меня

(конец придумал Андрей Дмитриев)

* * *

невзлюбила ты поэта
не простят потомки это

отвечает дева злая
я сама пишу стихи
и поэтому потомки
мне простят мои грехи

* * *

Скучно мне спорить с тобой,
за истиной смутной гоняясь
Славно с тобой пировать,
кудри венками убрав

* * *

Фадеев
учил Тарасенкова
редактировать Заболоцкого

* * *

я посмотрел на медведя
сурово, взросло, равнодушно
ну что ж, я выкину тебя
моя рука судьбе послушна

* * *

во избежание грабежа
не спят в дежурках сторожа

* * *

дождь падающих волн не страшен
когда по крыше бьёт перкашен

НОЧЬ НА СКЛАДЕ

после дождя
за окном
часто постукивает капель
словно бойкий солдатик-стройбатовец
бьёт в какую-то железку

***

*Что выехал в Ростов.
И.И. Дмитриев
Из книги бытия
один был вырван номер.
И в книгу внесено,
что «выехал в Ростов».
П.А. Вяземский*

Дверь в комнату закрой,
свет погаси, не слушай –
весь мир – дыра дырой –
смотри – надует в уши!
Сквозит, юзит, свистит
и поддувает снизу,
за то и Бог и простит,
что выедешь без визы,
отправишься в Ростов
в чем был и без поклажи,
жил-был и был таков,
хранитель божьей блажи,
и в сладкой ломоте,
ломоте и дремоте
тебя припомнят те –
подруги, бляди, тётки.
Друзья – говоруны,
(позыв к словесной рвоте),
кем сны твои полны
в небесном окороте,
кто в толчее живой,
бессмысленной и жаркой,
огнем был и золой,
и солью был и шваржкой.
Попутчики... В Ростов?...
Не больно и хотелось!
Куда мне! Не готов!
Пилось, да не допелось!
Не до, не ре, не ми...
не граду и не миру,
попробуй отними
не дудочку и лиру,
не голос или слух,
а отпечаток, след, впечаток –
вошедший в бытё
так, как рука в перчатку!

18.10.2001

***

Яжелбицы и Чёрная Грязь –
хватит, всё, не поеду, вылазь!
Нету больше хотелки хотеть
грязь месить, под попонкой потеть.
А мякиной, овчиной, дерьмом –
пахнет всюду и запаха знаком
как детёнку кормилицы грудь
или белая жидкая муть –
молоко невысоких небес –
так чего ж ты, куда ты полез?
В святцах нету свободной строки,
а пророчества так глубоки –
зачитайся и, амба, пропал,
бомбардир, запаливший запал
и с раззявленным розовым ртом,
ждуший, как же бабахнет потом!

13.12.2001

***

Не задворки и окраина –
новостроек дикий лад.
Остов угнанной машины,
приподнявший тощий зад.
Омерзительное счастье –
захлебнуться кислотой
петербургского несчастья,
острого как окрик «Стой!».
Стой, замри, умри, воскресни,
все в одном стакане – пей!
Не получится, хоть тресни,
жизни вечной, не робей,
не робей, не ссы, не бойся,
ничего, что не в себе,
отопри, замкнись, откройся,
и цепляйся как репей,
выдох – вдох... такое счастье,
только ниточка слабей,
только ленточка бесцветней,
жизни сумерки темней...

24.11.2001

***

Распластайся по белому полю
черной рванью чернильной строки –
Благодарствуйте! И снегом-солью
потчуй, потчуйся и не моги
отказаться, отсечься, отречься,
отвалиться от белой груди –
молока материнского – речи.
Бред бреди, огород ерунди –
пионер, проходимец, предтеча
иноходец, теряльщик причин,
ощутимая боль под предплечьем,
лишь начало, посыл и зачин
непостижного русского бреда,
где не важен ни сан и ни чин,
лишь надежда – авось, да доеду!
и по маленькой – за почин!
Ой ли Питер – обитель, обидель,
обижалщик ранимых сердец,
воевода, вояка, воитель,
но двух станом, ей-ей, не боец!
Не боец – немец-емец и перец,
шантрапа, пацанва, оголец,
шаромыжник, поделник, сиделец,
полный ...ец и холодный потец,
страстотерпец и мученик хренов,
голубец и искатель путей,
евнух, страж исчезающих генов,
затеватель завидных затей,
ты в растворе насыщенном соли
капля малая, вроде слезы,
голос с дрожью и тайною болью –
сладкой вытяжкой винной лозы.
Распластайся, распнись и останься
в жалком возгласе «Боже ты мой!»
но не пыжься, не бзди, не пытайся
сдрейфить и запроситься домой!
Ибо дом твой – пустыня из снега,
соль земли, мировая печаль,
и такая безмерная нега –
безначальная, что отвечать
нужды нет – ибо была или небыла –
это Божья медаль и печать.

1.12.2001

***

Что там линия жизни пророчит,
и куда – далеко ли ведет,
за нос водит, дурит ли, морочит,
теребит и веревочки вьет?
Что ты там разглядишь – в паутине
линий, стрелок, пунктиров, штрихов –
в этой латынке, строгой латыни,
тайном смысле пробелов, слогов?
И дознаешься если, то как ты
совладаешь со страхом своим –
обладатель свидетельств и фактов –
изнутри прожигаемый им...
И в неведенье, трепете, страхе, –
зачурайся, схвайся, замри,
уподобясь и зверю и птахе,
чужа тягу и холод земли.

19.06.2001

***

Как должно быть – не знает никто.
Получилось – уж как получилось!
Ну, а что не сложилось, так то
так и так, все равно – не сложилось!
И смешно и грешно, а прошло...
Проще пареной репы. В остатке –
лед на лужах, дневное тепло,
да неровности каменной кладки.
И такая, ты знаешь, печаль,
что без всхлипа не выдохнуть даже,
по осеннему птици кричат
в небо вляпаны газовой сажей.
Никому не подвластная жизнь
в беззаконном своем воплощенье
дышит, движется, тянется из
сил последних, не мысля о мщенье.
Теплый ветер в растворе окна –
простота беспородного счастья –
ничего не останется... На
кой тогда тебе божье участие?
И в безвидном, безжалостном, злом,
всеобъемлющем хаосе страха
ты бессилён. Но дышит теплом
ночь, земля первородного праха.

9.10.2001

***

Старенькой седенькой девочкой,
старой развалиной тетенькой
станут Психея, Кассандра,
так волновавшие юношей
съеденной молью поры.
И в подагрической немощи,
и в тремолитическом трепете
в толстых запрячут тетраджах
то ли обиды прощенные,
то ли святые дары.
В этих тетраджах клеенчатых,
ржавыми сцепленных скрепками,
страшные кроются тайны,
любовный мешается бред
с черным арктическим холодом,
запахом керосиновым,
цоканьем коготками,
писком крысиной норы.
Ах, эти злые улыбки,
ах, обольщенная искусство,
ах, прорицания пыл!
Черной вуалью, но с мушками,
белой пуховкой лебяжею,
молью побитой, повитертой,
с запахом пудры «Рашель»,
вроде цветочков в гербарии
девочки из прогимназии
(с призом за «Благонравие»)
остаться еще как смешно!
Правда, не лучше и стансами,
романсами, шманцами-танцами...
Шёпотом в сносках подстрочных,
колонкой словарной статьи.

11.12.2001

***

И этот день прошел как тысячи подобных
да поздно понял ты – нельзя считать подробно
ни дней число в году, ни на душе отмети,
ни промахи свои, ни острые ответы –
какие пустяки, какое пустозвонство –
копейки, медяки – да хоть помножь их на сто!
Помножь и раздели и выброси на ветер,
расплачься, разревись, совсем как юный Вертер,
запнись, споткнись, смутись и покрасней некстати...
Не выйдет... Перерос... Не по размеру платье...
И этот день прошел – весь без примет особых –
а ты тверди себе: едины плоть и обух,
едины – плоть и дух, душа и мысль едины,
Но так нехорошо здесь ветер дует в спину.
И малостью такой ты кажешься себе же,
Бог знает, почему твердя «велми, дондеже»...

24.10.2001

***

...как счёт от одного до ста...

В. Мишин

Тяжелой походкой, в тяжелом пальто
случайный прохожий, почти что никто
пройдет, словно сгинет, и нету его –
случайный прохожий в случайном пальто.
Случайно похожий черт знает на что,
пальтовый прохожий с каким-то рожном,
негожий ни рожей ни – contro – гузном,
пройдет, бормоча, «перемножим на сто...»,
а что перемножим и на сто зачем
ломай себе голову хоть кирпичом
а все не узнаешь и будешь твердить:
умножить, помножить и муторно жить.
С тяжелой походкой, в тяжелом пальто
и я не подарок, и брат, никто...
Коломна, Апрашка, Промзона Парнас
промятый под нас полосатый матрац,
и с хриплым дыханьем наверх к небесам
к архангельским трубам, альтам и басам,
дрожа от побудки, готов и ты сам,
готов, да в тяжелом, нелепом пальто
ты будешь опознан Случайным Никто.

5.12.2001

***

В.М.

С какого перепугу
недругу и другу
ты выболтаешь,
высвищешь,
просвищешь,
что ты, такой сякой,
неловкий и смешной,
тем и богат, что
от рожденья – нищий?
А что еще сказать,
не поминая мать,
и не склоняя
родственные связи,
как в узел завязать
излишки – ер и ять –
ни дать, ни взять, опять
из князи – в пешки. В Грязи.
С мешком, пешком, смешком
ровная честь отчизны,
ты мал и бос, и наг,
бесстыден, честен, нагл,
иглой и ушком
в суть проникаешь из вне.
Сурова жизни нить,
а ты и фыють и фыить,
ах, батюшки, какая незадача,
как весело сорить
глаголами на -ить
любить, крутить, шутить
а эвфемизм «итить»
способен заменить
не «быть или не быть»,
а праоснову жизни.

24.11 – 1.12.2001

***

Смотри, запоминай,
хоть пальцами на ощупь,
мни и переминай
труху, солому.. Проще –
всё спустишь ни за грош!
Разлив словесной браги
нечист и нехорош,
как в чеховском овраге...
Когда не в глаз, а в бровь
сравненье на бумаге –
река времен и кровь
в кривых и синих жилах
на старческих руках
развязок и развилочек.
На память, впопыхах,
узлов и узелочков,
завязанных впотьмах –
род сносок, тех, под строчкой,
в которых скрытый смысл,
и тайные причины,
хоронятся как рысь.
Ищите на отшибе
нет смысла иль родства
с дыханием и свистом
безмысленным единством
российского стиха –
в утробе материнской,
в чернилах завитка.

18.11.2001

***

Мерзлый камушек да лед,
почерневший от работ,
весь ногами перетерт
(ишь, колбасится народ!),
и толпы живое тело,
зная толк и помня дело,
так мешкотно, жарко, прело,
колыхаясь вправо-влево,
тянут душу из меня
на виду – среди бела дня!
Круглым бубликом дыханья,
воплем жалостным «Ай-яй-я!»,
обозначь себя среди прочих,
если сможешь, если хочешь,
если общее дыханье
в направленье колыханья,
не потянется стихами –
струйкой пара изо рта –
тра – та – та – та – та – та...
2.12.2001

***

В начале декабря
куда спешить, скользья,
еще не очень ясно,
а лязя или нельзя,
напрасно, не напрасно,
судьбу на фук беря,
взыскуешь неопасно.
И предвкушать чего –
желанья перемен,

иного времени,
текущему взамен,
иной судьбы? Зачем?
Зачеркнуто: Что было.
Написано: Дано...
А дальше – что? Забыла...
И... кончилось кино.
2.12.2001

***

Твое дело – труба,
мое дело – труба,
продыши, протруби,
продуди тру – ба – ба
тру – ба – ба,
тру – ба – ба,
мое дело – труба,
твое дело – труба.
Из трубы поднимается
белый дымок,
вслед за ним повторяй –
«одинок, одинок,
однбок, одноног
и один знает Бог
на кой черт он меня
до зимы доволоч!
Моё дело – труба,
твоё дело – труба
и кровит, к железяке
примерзнув, губа...
13.12.2001

ОСТАТОЧНЫЙ РЕАЛИЗМ

Валерию МИШИНУ и Тамаре БУКОВСКОЙ

1.
оба лежат в .....
намедни ещё .....
и сетуют на .....
остаточный .....

он плащаницу .....
из будущего на .....
ублюдочный и .....
ёрничая и .....

она как .....
усохла как .....
до рёбер обна.....
остато.....

и нанизав на .....
обеих
дался .....
худо.....
поту.....

оборот..... –
предки проткнув .....
навек умер .....
.....
вколач.....

в гроб тыся .....
второго от.....
Христа на глазах у .....
скукоживаясь до .....

как ору .....
остаточных .....
соцреализма
.....
лопатой гребёт .....

1.
.....жат в гробу
.....ни ещё дрались
.....уют на судьбу –
.....ный реализм

.....ницу тащит
.....его на себя
.....очный и ледащий
.....чая и скорбья

..... была жена
..... как банный лист
..... обнажена
.....точный реалист

.....на ниточку
.....
дался укол
.....граничнику
.....сторонний кол

.....Зычники-
.....ткнув насквозь
.....мерщвляли
.....зычно
.....я гвоздь

.....ячелетия
..... Рождества
.....ах у челяди
.....ясь до шеста

.....пыток
.....очных похорон
...реализма
.....прыток
.....ебёт Харон

1.
оба лежат в гробу
намедни ещё дрались
и сетуют на судьбу –
остаточный реализм

он плащаницу тащит
из будущего на себя
ублюдочный и ледащий
ёрничая и скорбья

она как была жена
усохла как банный лист
до рёбер обнажена
остаточный реалист

и нанизав на ниточку
обеих
дался укол
художнику-пограничнику
потусторонний кол

оборотня язычники-
предки проткнув насквозь
навек умерщвляли
.....зычно
вколачивая гвоздь

в гроб тысячелетия
второго от Рождества
Христа на глазах у челяди
скукоживаясь до шеста

как орудия пыток
остаточных похорон
соцреализма
.....прыток
лопатой гребёт Харон

2.
измерьте кон.....
ножниц
Вы.....
на лягушат с .....
смерти не .....

много бы .....
на свете бе .....
глас вопию.....
бури в .....

горе не от .....
короткого как.....
прошлых веков .....
а мой – один.....

как один.....
в пустыне тор.....
замерл.....
Грахх и Перс.....

если бы в.....
трупы коров на .....
то потонул в .....
смысл – говна .....

после драки .....
ушами впросак.....
горы мёртвых.....
под ласк.....

лесом сто.....
но за деревья.....
высох для .....
послед.....

2.
..... конец концом
.....ниц
..... ушат
..... с лицом
..... бежать

..... чего
..... лом вериг
..... пиющего
..... не крик

..... не от ума
..... кого как шпенёк
..... ых веков – тьма
..... одинёшенёк

..... кий перст
..... не торчу животом
..... грек и перс
..... сей потом

..... али все
..... ров на рога
..... в овсе
..... на пирога

..... аки маши
..... лаком
..... машин
..... терком

..... ят кресты
..... ями лист
..... ля красоты
..... реалист

2.
измерьте конец концом
ножниц
вылив ушат
на лягушат с лицом
смерти не избежать

много было чего
на свете белом вериг
глас вопиющего
бури в пустыне крик

горе не от ума
короткого как шпенёк
прошлых веков – тьма
а мой – одинёшенёк

как одинокий перст
в пустыне торчу животом
вымерли грек и перс
Грахх и Персей потом

если бы встали все
трупы коров на рога
то потонул в овсе
смысл – говна пирога

после драки маши
ушами впросак кулаком
горы мёртвых машин
под ласковым ветерком

лесом стоят кресты
но за деревьями лист
высох для красоты
последний соцреалист

3.
данью облож.....
площади – зол.....
смертному во.....
Богу подобия .....

клан юдобоф.....
свой обр.....
зверья в тру.....
сызнава платит я...

щупальца.....
дороги плешь по.....
Башни расту.....
выстроен по .....

воздух ячеи.....
меж небоскрёб.....
отечества – гор.....
съедены им .....

разноязык.....
строителей с.....
к Небу – нем.....
жизни: а.....
техничен но дик.....
аэроплан как .....
со скорость.....
означает К.....
THE END – DAS .....
СВЕТА к.....
словами – де.....
была в остатке

.....
в разноречивость.....
Богу вмешать.....
и гвалт обра.....
тварей вы.....

3.
..... ложены дна
..... лотом нефть
..... оля дана
..... бия нет

..... фобствует клон
..... таает язык
..... ах Вавилон
..... латит ясык

..... пальцами ползут
..... ешь почесать
..... тущий зуд
..... троен по часам

..... ист юля
..... ёбов дым
..... рек – поля
..... ны им седым

..... зыкий хор
..... енку ведёт
..... мой укор
..... атод
..... ват
..... к путь
..... вука в ад
..... ПУТ–
..... ENDE – КОНЕЦ
..... абы игра
..... елу венец
..... в остатке

..... пора
..... ость воль
..... ся вновь
..... тив в вой
..... сить вон

3.
данью обложены дна
площади – золотом нефть
смертному воля дана
Богу подобия нет

клан юдофобствует клон
свой обретает язык
зверья в трудах Вавилон
сызнава платит ясык

щупальцами ползут
дороги плешь почесать
Башни растущий зуд
выстроен по часам

воздух ячеист юля
меж небоскрёбов дым
отечества – горек – поля
съедены им седым

разноязыкий хор
строителей стенку ведёт
к Небу – немой укор
жизни: анод – катод
техничен но диковат
аэроплан как путь
со скоростью звука в ад
означает КАПУТ –
THE END – DAS ENDE – КОНЕЦ
СВЕТА кабы игра
словами – делу венец
была в остатке

..... пора
в разноречивость воль
Богу вмешаться вновь
и гвалт обратив в вой
тварей выбросить вон

* * *

«Не сотвори себе кумира!»
А если всё же сотворил?
И он затмил собой полмира,
и ты полмира позабыл?
Полмира или пол-округи,
полгоря, радости и слез...
Кумир пройдёт, подымет руки
и то ли в шутку, то ль всерьёз
тебя в толпе отметит взором
и даже, голосом трубя,
по-царски, с ласковым укором
он пожурит слегка тебя.
Мол, не заходишь что ж ты, милый,
давай, дружище, заходи!..
И снова канет, как в могилу,
оставив пение в груди.

И счастлив ты, и жизнь богаче,
пляши и пой, кроши руду.
Кумир – он твой! Его удача
сулит тебе твою звезду.
И я творю себе кумира,
я им болею, им живу,
перечеркнув почти полмира,
во сне творю и наяву.
Иллюзий всё же я не строю –
кумиров плохо заводит.
Но как же радостно порою
кого-нибудь боготворить!

* * *

Куда я этой ночью ехал
и всё опаздывал, спешил
и был помехою помехам,
и намокал, и плащ сушил,
и всё искал – не мог сыскаться
ни номер места, ни вагон,
в кармане только рубль двадцать,
а где билет и был ли он?
И суетился по перрону,
толкался, с сумками бежал,
и падал в поезд отрешённо,
и зверем загнанным дышал.

* * *

Всё то, чего я достигал,
достиг я сам.
Никто ни в чём не помогал
мне ни на грамм.
За всё, что есть всего во мне,
поклон родным.
Спасибо маме и жене,
что был любим.
Хвала себе и небесам,
врагам – поклон,
властям спасибо и вождям,
что закалён.

Летели дни календаря,
листки, витки...

И вовсе не благодаря,
а вопреки
я вышел в люди, в божий свет,
ау, страна!
А то, что счастья в жизни нет,
то не моя вина.
А то, что краники текут
и лопнул газ, –
опять соврут, опять солгут
в который раз.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОТИВЫ

Кривым каналом тесный город
прорезан, вспорот, рассечён
и стянут, как мундира ворот,
в который город облачён.
Пройди канал, его извивы,
свернув направо от Сенной,
и петербургские мотивы
витают всюду над тобой.
Иное имя у канала,
иные улиц имена,
но Достоевский дух квартала
жив, как в былые времена.
И где-то в дворничкой пылитесь
тот эмпирический топор...
Легко колоннами толпится
Казанский каменный собор.

* * *

Какой сентябрь вокруг стоит –
волна волну приподнимает,
как будто волосы твои
над дюной медленно взлетают,
и распадаясь на куски,
летят, сверкают целлофаны
на прибалтийские пески,
под прибалтийские каштаны...

* * *

Латышский пригород. Деревня.
А под горой и на горе
цветут вишнёвые деревья
и розовеют на заре.
Деревья к дому подступили, –
лишь только руку протяни, –
как паруса сырые или
как облака стоят они!
По облакам, сугробам вишен
шаги рассвета так легки,
что ствол с ветвями – неподвижен,
лишь вздрагивают лепестки.
А за шоссе на перекате,
где глянец пучится река,
руками красными в закате
ловя миног, два мужика
в воде, наперекор теченью,
стояли словно два быка.
На берегу – трава, как скатерть,
которая чуть коротка,
но всё же тяга к удлиненью
весною в мае велика...
А зеленеющие нивы
мне из окна вдаль видны,
как будто диапозитивы
с преобладаньем желтизны.
От той реки, от тех деревьев,
когда подует ветерок,
неслышно веет или реет
какой-то снежный холодок.
Толкнув некрашенные ставни,
по грудь я свешиваюсь в сад...
Всё это – словно сон недавний,
а сколько уж тому назад.

* * *

Время великих страстей миновало,
грош им отныне, копейка цена.
После ярмарки и карнавала
наступила, пришла тишина.

Помолчала.
Попела. О чуде, о блюде...
И тогда я подумал о том:
сумасшедшего счастья не будет
ни вчера, ни сейчас, ни потом.

* * *

Над Онегой – ни берёзы, ни звезды.
Как в метро, когда погаснет в люстрах свет.
Только шелест проносающейся воды,
только ночь и за кормою черный след.
Ни чижей под облаками, ни стрижей,
ночь – плотней стены отвесного дождя,
ночь – чернее ночи грозных мятежей,
тихо вздрагивает палуба, гудя.
Будет утро, будет праздник у земли,
позолоченные зайчики окрест
и берёзка с колоколенкой вдаль,
только нас не будет возле этих мест.
Под луною, под звездой, под дождём
мы проходим, мы уходим, мы уйдём...

* * *

Весной ещё здесь ветви голы
и белы голые тела,
а волны мчатся, как монголы –
к спине спина, к стреле стрела,
не отрываясь от седла.
И набегая, налетая
на дикий берег, на песок,
сырые скопища Мамаю,
шипя, сшибаются у ног
об европейский бережок.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ В ИЮНЕ

Балтийское море в июне,
поёт под ногами песок,
а у бегущих по дюне –
фонтанчиками из-под ног.
И в мареве зыбком и жарком
повисли два мыса и форт,
плывут корабли-коچهгарки
за выгуклый горизонт.
Балтийское море в июне
наматывает валы.
На дюне, в песчаной лагуне
тела, как литьё, тяжелы.
Не пляж – раскалённая баня,
где рухнули стены и кров,
и солнце, вскипая на камне,
вплавляется в тело и в кровь.
Балтийское море в июне,
горяч раскалённый песок.
Коснёшься
случайной шалуни-певуни,
печатью на теле – ожог.

ПОЮТ МОРЕВ И СЛЕПАКОВА

Двое пели под гитару,
прост был аккомпанемент.
Как прекрасно пела пара,
как прекрасен был момент.
Вёл высокий женский голос,
не сопрано и не альт,
вьющийся, как тонкий волос,
грустный, как старинный вальс.
На басах мужской работал,
вторя женскому вослед...
Вот придумал песню кто-то,
чтоб тревожить белый свет,
чтобы пели эти двое,
чтоб сплетались голоса
и прощались за рекою,
пряча грустные глаза.

* * *

На грани фола –
два монгола,
один кореец,
другой китаец,
один играл на скрипке соло,
но он как раз и был японец.

В виде контраста –
два педераста,
один с приматом,
другой с приветом,
один читал Экклезиаста,
но он как раз и был кастратом.

И для скандала –
два канибала,
один безумец,
другой беззубец,
один наказан трибуналом,
но он как раз был вегетарианец.

2001

* * *

*Всем граневцам, континентальцам,
временьям, новорусскословцам,
русскомыслецам, ардисовцам, посевцам,
имкопрессовцам, всем, всем, всем...*

Я не предаю родину-мать.
Я не предаю отчизну-блядь.
Я не предаю родину-блядь.
Я не предаю отчизну-мать.

торжественно:

Я не предаю, мать, родину.
Я не предаю, блядь, отчизну.
Я не предаю, блядь, родину.
Я не предаю, мать, отчизну.

сдержанно:

Я не мать-родину предаю.
Я не блядь-отчизну предаю.
Я не блядь-родину предаю.
Я не мать-отчизну предаю.

строго:

Не я, мать, предаю родину.
Не я, блядь, предаю отчизну.
Не я, мать, предаю отчизну.
Не я, блядь, предаю родину.

уверенно:

Родину-мать предаю не я.
Отчизну-блядь предаю не я.
Отчизну-мать предаю не я.
Родину-блядь предаю не я.

2001

* * *

Карамзин придумал ё,
ё – моё и ё – твоё.
А что мог придумать я,
я – моя и я – твоя.
Как татарин в Волочке
или как таджик в Торжке,
я как пёс без языка,
и как груз без поплавка,
как отмычка без замка,
я как лысая строка.

2000

* * *

И только общие места
идут на ум и по уму,
дня изменилась долгота,
уходят дни по одному.
Задача, в общем-то, проста,
как счёт от одного до ста,
и, вероятно, потому
пейзаж на ширину холста,
от перекрестка до моста,
масштаб сто к одному,
стоит, не тронут, как мечта,
непостижим, как сто из ста.

2001

* * *

У меня смутное прошлое.
Я был комаром, мухой, тараканом.
Лёгкость полёта менял на желание
залезть в щель и наблюдать.
Я был комаром, мухой, тараканом.
Он был собакой.
Только собакой, и он умер.
Я был стеблем, тычинкой, одуванчиком.
Часами поглощал небесную влагу,
ловил солнечные лучи,
подхваченный потоком воздуха
перемещался в пространстве.
Я был стеблем, тычинкой, одуванчиком.
Он был собакой.
Только собакой, и он умер.
Я был рыбой, стрижом, раком-отшельником.
Легко находил среду обитания,
весёлым играм с радостью общения
часто предпочитал затворничество.
Я был рыбой, птицей, раком-отшельником.
Он был собакой.

Только собакой, и он умер.
Я был кошкой, псом, черепахой.

Мне казалось, что я понимал
суть вещей и ход времени,
я ощущал, как время то сжимается,
то становится разомкнутым.
Я был кошкой, собакой, черепахой.
Он был только собакой, и он умер.
Когда я смотрел в его печальные глаза,
мне всегда казалось,
что он во сто крат умнее меня,
что он всё это уже давно пережил,
не суется и не дёргается,
он знает и понимает то,
чего мне никогда не постичь.

2001

* * *

На Фонтанке опять начинается жор,
почти форс-мажор, подоспел дирижёр.
Тут рыбы и птицы, и люди, и звери,
полковник юстиции, селезень в перьях,
брюнетка на случай, пропитый талант,
а также, до кучи, актёр – дилетант.
Рыдает в подушку влюблённый кретин,
в игольное ушко пролез он один.
Что скажешь, что сможешь, что спрячешь в карман,
не выдался рожей, поверил в обман,
попал на приманку, на голый крючок,
не плюй зря в Фонтанку (Фонтанка не в счёт).
Художник с куражем безумно смешон,
когда кистью машет, как дурень ножом.

2001

* * *

Никакая же блядь не звонит,
никакая ведь сука не пишет,
я имею законченный вид –
прислонился к стене, рядом дышит
дряхлый пёс, у него простатит,
глухота, несваренье желудка,
может, кто-то в окно залетит,
как ни так, ну конечно же, шутка.
Ни друзья, ни враги – ни ноги,
хоть бы кто, хоть непрошенный гость,
лги-не-лги – оплывают мозги,
так пришлось: в горле кость, в сердце злость.

2001

* * *

Смежаются краски в ночи,
уже не сказать: горячи
калёные крыши домов,
уже не красны кирпичи,
погашен огонь каланчи,
червонный отлив куполов
сгорел, как сгорела заря,

бессилен накал фонаря
убрать черноту из углов.
Строения и дерева,
ушедшие в тьму существа
забыли значение слов.

2000

* * *

Я знаю: ты любишь меня,
хотя это тщательно прячешь,
и знаю: ты хочешь меня...
менять весь уклад, не иначе.

Ведь я некудышный супруг,
совместная жизнь надоела,
тебе нужен попросту друг...
другой, с другим сердцем и телом.

Но где же такого дадут,
чтоб выдался рожей и кожей,
скорее опять будет шут...
шутник или кто-то похожий.

2001

* * *

Трансформаторная будка –
черепа, скрещенные кости.
Трансформатор гудит – в космос
посылается сигнал.
В краткий миг страстной субботы,
перед вербным воскресеньем,
на железе ржавом будто
набухают незабудки.
Пару слов из лексикона,
неудобного в прочтенье,
развлеченье идиота,
кто-то сбоку приписал.
Кости, череп – не икона,
трансформатор напряжённо
трансформирует словарь,
и в коротком промежутке
кажется одушевлённым
всяк предмет, и божья тварь
свое место помнит четко.

2001

* * *

Мой ангел, говорю ему,
ты понимаешь, что я му...
что мучаюсь, я говорю,
ты понимаешь – я горю...
что я горю и терплю,
ты понимаешь – я люблю.

Мой ангел, говорит он ей,
не оставляй меня, не вей...
не вейся дымкой надо мной,
не покидай меня, не бой...
не бойся страсти и любви,
не озлобляйся и не рви
последней нити и живой.

Мой ангел, ты меня прости,
меня опять уносит сти...
стихия, я тебя прошу –
поверь, теперь мне не до шу...
мне не до шуток, ангел мой,
я связан навсегда с тобой,
пока живу, пока дышу.

2001

* * *

Иду куда, забыть успел,
куда иду, или не знал.
жду ли уда... Ещё не спел...
удачу жду, не спеленал
жду ли уда... суровый рок,
удар судьбы, ещё не срок,
иду куда? ведёт и ждёт.
Куда забы... 2001

СТИХИ 2001 Г.

...
 стеганный
 такой весь
 денек денек
 некоторые леса
 знаю я
 леса эти самые
 небо небеса
 небось это
 наподобие валенка
 вроде как
 была не была
 а
 не была бы жизнь
 тогда что
 хорошо бы было бы?
 не-а
 ...
 булочная кондитерская
 тверская ямская
 знаем какая
 садовая
 самотечная
 московская
 ничего жизнь
 с нищего жиру
 снаружи глянцева
 а там уже елена курляндцева
 тема острая
 тем она и москва
 ...
 и москва
 и вся
 и сама
 москва
 и широкая
 широкая масленица
 и широчайшая
 широчайшая масса
 ...
 не давать
 власти
 не давать
 возражать
 власти
 не давать
 власти
 не давать
 возражать
 власти
 не давать
 власти
 не давать
 возражать
 власти
 не давать
 власти
 не давать
 возражать
 власти
 не давать
 власти
 не давать
 возражать
 власти
 не давать
 власти
 ...
 неприветливо привет
 морозно и ветрено
 зимы
 это когда-то бывали
 раньше были зимы
 а теперь только одни
 катаклизмы
 то вымачивает
 то черт его знает
 то заваливает это
 а то
 заливают и заливают
 притормаживает
 то сразу же примораживает
 что нас
 и настораживает
 кто здесь
 проживает
 вымачивает
 выматывает
 думает
 и чего это мы
 завывает
 и забывает

отворачивается
 бывает
 что издевается
 а бывает
 и что всё
 издевается
 измывается
 и изнывает
 бывает
 а бывает и нет
 показывает нам
 да поглядывает
 сам
 сама
 а как тама публика
 жива пока что
 из воды
 давай
 давай
 да во льды
 после льда тогда
 да снова вода
 во
 воды
 и ну и что за беда
 беда
 да вот вроде
 вы недовольны
 недовольны да
 а вот
 тогда вот вам так и надо
 /и да кто же это
 да что же это
 вот это вот
 такое
 похожее
 на кого только
 а правда похоже
 на кого-то
 на кого/
 ...
 честь
 слава
 честь и слава
 опять
 слова
 честь
 слава
 бы сперва бы
 стыд
 совесть
 бы сперва
 так
 нет этого
 ...
 белая
 белая
 белая листва
 с неба свалилась она
 свалилась
 и вся
 оставалась
 на дереве
 везде
 где
 только что
 здесь
 вчера
 была вся
 и вся
 вся
 вся подевалась
 дела
 весна
 нет
 и так пока
 тоже не сказать
 а вообще конечно
 а вообще-то нет

...
 было
 еще когда
 Палиха
 была Палиха
 Плющица
 была Плющица
 Зацепа
 так Зацепа была
 типа
 или Потылиха*
 а то вообще
 Шелепиха
 знает
 и были кто
 Под-двиг-ски
 извини подвинься
 и если бы какая бы там
 не самая большая Дмитровка
 еще
 или какое ни есть
 в Москве место
 называлось
 Алексеймитрофановка
 кто бы спорил бы
 а я бы не стал
 * из них
 кому посчастливилось
 ...
 дано
 дано
 гимн
 доносчиков
 и тюремщиков
 надо
 надо доказать
 так господь управил*
 навряд ли
 вряд ли это господь
 подобную управит глупость
 и подлость
 сказал бы хоть
 господь
 попустил
 братие
 * подлинные слова
 михалкова сына
 ...
 дело было
 радио
 окно
 радио
 вроде и давно
 а
 ...
 а мокро-то как
 что мокро
 то мокро
 мокро
 мокро
 мокро
 но что
 касается
 что можно сказать
 то мокро
 можно сказать
 вовремя
 по крайней мере
 по-моему так
 а тогда
 когда
 вода
 наиболее
 стабильна
 тогда зима

...
 собаке воет
 собака воет
 собака воет
 ни на кого
 так
 собаке воет
 собака и воет
 собака воет
 сама собой
 а кроме того
 собака воет
 собака врёт
 собаке и воет
 ну и наконец
 собака воет
 ну а кого
 в виду имеет собака
 будем говорить так
 экологию
 ...
 живу
 дальше видно будет
 ...
 ну уроды
 закрыли людям горбушку
 открыли своим людям кормушку
 уж куда
 на фиг
 не фиг
 а родина
 а она кто
 а не эти тетки на рынке?
 хухры мухры
 не хухры мухры
 конечно хотя
 крам
 крамом
 крым
 крымом
 в москве
 такие стало быть
 у нас здесь
 цены
 хрена
 себе
 россия
 россия
 разная
 россия
 и россияне
 россия и сия
 и иная
 столица
 и остается столица
 и милиция
 милиция
 целится и целится и
 достигает таки поставленной цели
 тетки
 и с тетки
 штрафсть
 вихрь
 простите меня
 антитеррор
 ах ты хмырь ты хмырь
 хмыри мы хмыри
 только и остается что рифма
 а помнишь товарищ
 хотелось как кушать
 без шуточек попрошу
 а как же
 так и хотелось так же
 без шуточек
 ...
 и ну и фиг с ним
 вид
 сверху

IN MEMORIAM F.M.

I'm going slitty mad...

Я вашими словами лгу,
я плачу вашими слезами,
и всё, что видеть я могу,
я вижу вашими глазами:
вот это стрелки на часах,
они подхлестывают время,
вот это гири на весах,
они вычёркивают бремя.
Мой каждый жест – небытие.
Как больно вам моё движенье!
И гаснет зеркало моё,
и в нём чужое отраженье.

ПАМЯТИ ОТЦА. 1992 Г.

Год начался с похорон.
Старые иудеи
шли по Волкову полю,
смущая картошкой речью
покосившиеся кресты,
и в карих глазах их сияло
тихое удивленье,
что так – им казалось – рано,
что так – им казалось – странно:
они были старше, гораздо
старше; но не раздавалось
ни ропота, ни стенаний.
Они говорили вполголоса,
сетовали, что земля
промерзла; дали на водку
могильщикам.
Уходили,
взявшись, как дети, за руки,
и через плечо бросали
веточки по привычке.
Они были здесь чужие,
и встречные по незнанию
их поздравляли с *Рождением
Сына*; они молчали,
еще больше сутулясь,
еще больше смиряясь,
помня, что там, в *Египте*,
было еще страшнее.

* * *

*Врата выбирают входящего,
но не человек.
Борхес*

Как тень. Не громче и не тише.
По стогнам, набережным, крышам.
К тебе. Но ты со мной на вы.
Не поднимаемая головы
от книг. Меня не замечая.
Заметив, в скобки заключая.
И я дрожу в твоём раю,
и вызывающе курю.

Осенний брат. Почти что зимний.
Хлебнув поврозь балтийских ливней,
мы приближались, день за днем,
к отметке, выжженной огнем
на перекрестке наших взглядов –
но шустрая арлекинада
смешала краски на холсте:
мы разминулись. И не те
поймали сети нас обоих.
И лишь картинки на обоях
совпали, раздражая глаз
и тем соединяя нас,
почти *смиранных и бездумных*.
...Не распознать шагов бесшумных,
и не понять, *кто у дверей*
нашептал: *скорей, скорей,*–

сметая с души моей пугливой
пыльцу печали молчаливой,
в уста мои вложив слова,
самой понятные едва,
но прежних слов сильней и выше.

И вот – не громче и не тише –
к тебе – и ты глядишь в упор.
И начинаешь разговор.

CON AMORE

*Королям по ролям.
Д.М.*

Восторженный пленец, в своей тоске
ищи виновных, бейся в окна, двери, –
но если жизнь твоя на волоске,
иди ко мне, и я тебе поверю.
Какая глупость, будто бы нельзя
солгать в глаза, не уличив друг друга!
Открытым текстом вечности дерзя,
мы разобьем тиски седьмого круга.
Блажить, трезвонить, путать падежи,
залетным гостем на пустынных пляжах
искать покоя, притуплять ножи
чужих страстей, барахтаться в марьяжах –
куда как сладко править суетой,
покуда голос звонок и беспечен;
но если тень с фатальной быстротой
растет, а свет не знает, что не вечен –
куда тогда стремить смятенье крыл,
с какого неба требовать нектара?
Кат по определенью тупорыл,
ему плевать на эксклюзивность дара.
Смежая веки, призывая сон
или чуму на оба наши плача,
ты можешь не заметить, как гарсон,
считая звезды, прикарманит сдачу.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВАГНЕРУ

Сезонные скидки на черные метки.
Мы шесть миллионов, мы детки из клетки.
Нам сняты пустыня и древние свитки.
Уходим, уходим – на мыло, на нитки.

Маэстро, урежьте свою партитуру –
полет зачумлен виртуозной дрессурой;
простите, простите – другие ответят,
а нам недосуг, нас пускают на ветер.

О, как бы мы пели, когда б уцелели!
Прощайте, прощайте – кимвалы, свирели.
Встречайте, встречайте, суровые предки.
Мы шесть миллионов, мы детки из клетки.

СЧИТАЛОЧКА

Извечная прихоть, осенняя блажь:
томление духа, имперский кураж,
цепочка намеков, двоенье зеркал,
продление сроков, с охоты на бал –

верченье столов, диалог икебан,
обрывки туманов, решение ва-банк,
иголка в стогу, стрекоза в янтаре,
обмолвка, усмешка, пробел в словаре –

следы у обрыва, флажок на ветру,
фривольная сказка, глянсе поутру,
прощай – не могу – отпусти – я с тобой –
не смей – ты не знаешь –
не важно – не бой – ...

* * *

Я не надеялась уйти
неверным шагом от возмездья –
меня похитило созвездье,
и я не крикнула: пусти.

В бездушном царстве пустоты
теперь безропотно сияю,
и одного не понимаю:
как здесь меня отыщешь ты?

НЕУВЕРЕННЫЙ МОНОЛОГ
БЫВШЕГО РЫЦАРЯ

*Клетка пошла искать птицу.
Кафка
После холодности безбрежной...
М.Ц.*

Как тебе объяснить, коли сам не пойму,
за каким угораздило в эту тюрьму,
и не жалости для, но от блеклости слов
я закрою глаза – дескать, видишь, каков
я на деле, – решай, если порознь невмочь:
я спасенного сын, ты спасителя дочь –
мы на равных сегодня, а дальше уволь,
будет так, да не так – переменчив пароль,
подозрительна местность, неведом предел,
щебетун-бормотун круглый год не у дел,
я свое отлетал, ты не сможешь ползком –
вот и вся недолга, вот и ведра с песком;
только что ж ты молчишь, я боюсь тишины,
в ней отчетлив соблазн объявленья войны –
не тебе, не себе, а фруктовому льду:
я теперь и не целясь в мишень попаду –
но скажи что-нибудь, хоть монетку подбрось, –
догадаюсь, почую, увижу насквозь,
что ты там загадала... *Да, я так хотел.*
Подожди. Значит, все. Точка, прочерк, пробел.
Нет...не то. Я... ну кто там еще?! Ах, режим...
Вот и славно. Да-да, две секунды.
– *Бежим!..*

ВПИСАТЬСЯ В ПОВОРОТ

Слунтявой рифмачкой нырнувшая в Лету,
к тебе возвращающая истертой монетой –
достоинства редкого, древней чеканки –
невинным презентом спесивой Фонтанки.

Случайно заметишь, бездумно подбросишь,
поймаешь не глядя, прохожего спросишь –
решетка – *ОК* – и в карман, и забудешь.
На место прописки лениво прибудешь,

я вновь посетил – дорогое болото –
немножко инкоgnито – ладно, чего там,
и душно и тошно, ни сна, ни видений,
запустишь кино холостых наблюдений –

приглючится тварь неглиже под софитом,
растекшийся грим на мордашке испитой,
шаги командора, безмолвье народа,
провал – кофеек – недурная погода,

отправишься за город, верст не считая,
кусты, блиндажи, всполошенная стая,
две строчки подтекста, а лучше б не надо,
вокзал, мельтешня, полногрудое стадо,

домашние сплетни, рассвет на пороге,
пора, господа, объяснюсь по дороге,
не знаю – не скоро – приветы – поклоны –
кот – дуб – лукоморье – золотая – зеленый –

гудок, проводник, сахарок, нету сдачи,
вот мелочь – постоит – да так, наудачу –
орел несомненный... И вдруг разреветься.
К стеклянной прохладе щекою прижмешься,
и станет легко до звенящего бреда:
все брошу, еду обратно, *еду...*

***

Сегодня первый день еврейской Пасхи.
Подсохли лужи, и поглубело
Дотоле небо серое. Сегодня
В земле Израильской народился Праздник.
Пост кончился. Великая Суббота
Спешит, спешит как вестник Воскресения
По тесным улочкам Иерусалима.
На Вила Розе, на горе Масличной,
В долине пересохшего Кедрона,
У Храма люди видели Её.
Мальчишки отбивают
Гудящий ритм пастушьего стиха.
В оливах ветер обретает голос,
И птицы в розницу разносят песни
Гортанные, как древняя земля,
Высокие, как небо голубое.
И Гефсиманский сад внимаает Вести,
И веточки антенн дрожат от Вести,
А солнца луч, на маковках собора,
Как зайчик солнечный,
дрожит от нетерпенья...
Твердыни рассыпаются в песок,
Чтоб стать землей для семечка надежды...
А Весть летит, - что смерти больше нет...

МУЖИКИ

Валерию Мишину

Сушатся лук и чеснок, и укроп на стропилах.
Крыша нагрета. Густой аромат
жизни и смерти с невиданной силой
ноздри щекочет, дразня, пробивая до пят.
Лето кукует, свихнувшись, на дальней березе.
Запах ядреных солений застыл как сургуч.
О, как замешана жизнь: на земле, на ошибках, навозе...
В каждую щелку и дырку врывается солнечный луч.
Осы кибитки свои прилепили к застрехам.
В коконах жизни и смерти всех любят и ждут.
Каждый ремесленник, памятью движим как эхом,
свято блюдет чистоту ремесла и семейный уют.
На чердаке, в его тесном просторе,
жизнь, будто тесто в опаре, пошла через край.
Издали ж, без подробностей, на косогоре
просто стоит сзади дома щелястый сарай.
О, как обманчивы, как удивительны эти
доски и бревна, и крыши дырявый приют.
Между землёю и небом, прицелившись в память о Лете,
будто гудящие пули свинцовые осы снуют.
Нет, невозможно под небом открытым
жить частной жизнью. Нет, надобно выстроить дом,
чтоб обрастать в нем обидами, радостью, бытом,
чтобы потомкам все это оставить потом.
Спишь и не видишь, как небо на землю стекает.
Но, просыпаясь, находишь за пазухой *света кирпич...*
Только со временем волю и мысль обретая
с воздухом можно воздушного сходства достичь...

РАЗМЕРОМ ПОДЛИННИКА

и.б.
сегодня некуда спешить
и долгие день и долгота разлита
по комнатам ее желеают пить
предметы повседневноности и быта
длинноты распозлзлись: по всем углам
меж книг в шкафы и в уголки дивана
в подушки в одеяла в те сто грамм
которые остались... как ни странно
не ямб, но дольник прячется в краны
в бутылки в рюмки в кошку что на стуле
она сидит и смотрит на блины
и долгие взгляд ее, блины уснули
вдоль улиц потянувшись долгога
и залегла на тротуарах в скверах...
медлительность по жилам разлита...
я становлюсь такого же размера
как стих как протяженность бытия
во мне растёт инерция покоя,
я повторяю, жизнь свою крою:
«на свете счастья нет, но есть покой...» и всё такое...
мы с долгой? разобрались,
а широта? и широта разлита
в душе в крови в подкорке сердца близ
во взгляде в мышцах в нервах в чистых плитах,
которыми мостился дворик твой –

прибежище пасхального маршрута...
ведь воскресение всегда с тобой
ты воскресашь каждую минуту
из всех перипетий небытия
синонима всей суеты и страха,
всей спешки бездуховности житья
затем, чтоб каждый миг вставать из праха...

ПАМЯТИ ПОЭТА

впущу впущу весь ветер свищущий
весь гул прибоя
сгущенный воздух с птицей крикнувшей
над головою
в линейки дождика косые
в его тетради
впишу глаголы дрожжевые
за Христа ради
еще вложу при свете жизни
коль небо примет
нелепую любовь к отчизне
где Божье имя
с губ невесомо облетает
с дыханьем вместе
и замирая окликает
толпу предместий
а из предместий всклянь в окошко
влетает ветер
присесь в молчании на дорожку
чтоб путь был светел
в грибницу жизни в корни в споры
где без оторочки
в подпольный шорох разговора
вращаешь строчкой

ОЗЕРО ПЕСНО

любё

лопасть воздуха с неба отвесно
окунается в озеро песно
там усатые рыбы одне
моют жемчуг икринок на дне
там фонтанчиком ил поднимают
небожители псковского края
то замрут а то с места в карьер
там стоит на горе андромер
на обед то уха то рассольник
там ландшафта классический дольник
ельник мельник попутчик поручик
из-за туч грянет солнечный лучник
пробивая всю толщу воды
светопадом своей бороды
а еще там мужик водяной
на меня он похож сам не свой
он под лодкой у старой ольхи
по субботам бормочет стихи
и поскольку мне это известно
по субботам купаюсь я в песно

***

ты – мира кровельщик, подпольщик, корабельщик,
ты – дольщик: с небом, с воздухом, с землей,
ты – дня грядущего застройщик и поделщик,
но грустно ангелу, летящему с тобой...
пространства хмель в лозе и в зодиаке...
дождь, будто кровельщик, выстукивает жезь,
прислушайся, а, впрочем, что там знаки –
меж звуками и речью пропасть есть!
как влагою земля, эфир налитан словом,
и если воздух рыть до самой глубины,
то там, на дне его, отыщется основа,
стекающая к нам с той стороны луны,
ночные небеса, раскинувшись над нами,
державно смотрят на лицо воды,
и тишина стоит под парусами,
и мы ей вослед молчим на разные лады...

***

тьма полная ложится иногда
на человека при подходе к Богу
и замкнут слух и замкнуты уста
такая тьма что невозможно слогу
пробиться в безязыкой пустоте...
но всё *глухонемое* жаждет Слова
которое приходит на кресте
затем чтоб сутью промысла благого

взорвать однажды тьму и плоть и звук
замкнув собою *напряжения веры*
чтоб хаос тьмы не ведающий мук
отозвался на зов грядущий эры...
лишь ты – родня с безвидною землей
ты – мера всех вещей и всех понятий
но больно быть самим собой
когда ты выпал из объятий
Единого
меняя ход времен
хотя бы в этом ты подобен Богу
и потому *одушевлен*
и к Свету прорастаешь понемногу

ЛЮЩИК

Л.

дрова потрескивают в печи
ветер что-то свое глаголет
тишина оплывает как воск свечи
на деревню на лес на дорогу на поле
кошки спят, образуя клубок
шерстяной, из которого тянется пряжа
сон их чуток, но вместе с тем очень глубок,
сон их глубже, чем, скажем, подвал эрмитажа
слава Богу, что месяца третий калач
настелил вместо крыш ночь на эти стропила
её воздух пронизан сознанием и зряч,
и молчит, полон жизни и внутренней силы
для того для того нам глубокая ночь
чтоб во сне мы сырой ностальгией питались
мы с ней схожи настолько... мы, скажем, точь в точь,
воздух здешний дотошно входящий в детали...
ветви яблони сонно стучат о карниз
млечный путь изогнувшись уходит полого
мироздание фактически свесилось вниз
если встать на носки – его можно потрогать...
наливаются зрелостью яблоки глаз
в сердцевине хрусталик глазной созревает
времена распахнулись и вечности спас
нас по имени всех в этот час окликает...

***

Вот и я влез в домашнюю куртку отца.
Захотелось тепла, захотелось уюта.
Сходит жизнь на ходу, как с подножки, с лица,
А ты гол как сокол, и рубаха продукта,
Облетела твоя золотая пыльца...
Проступает в душе время – шрамы, морщины...
Долго, долго топталось оно у крыльца
И зашло, наконец, помолчать, чин – по чину,
Мы бутылку откроем, стаканы нальём,
Помолчим, помолчим о бывших потрясенях...
Было, было - скрипели мы вечным пером.
Нас надежды точили червями сомнений...
Мы себя изживали, а кончился век...
Мы себя хоронили, а вышло – эпоху...
Зной палил, дождик сёк, нас заваливал снег,
А мы жили, и жили от вдоха до вдоха...
Что сказать можно, нынче, высокому небу?
Видно, жизнь, – в самом деле, кровавый обряд.
Что там советсь бормочет, псалмы или требы?
Что там сад за окном? Что там сад или ад?

***

Не согреть колени, холодеют, ибо,
Сжались капилляры, снулые как рыбы.
Сжались капилляры, кровь мою живую
Еле пропуская, походя и всуе.
Сжалось русло речи, и слова не хлещут,
А лежат, пылясь, брошены, как вещи.
Вот и время сжалось и пространство тоже,
Так похолодало, что мороз по коже.
Замерзают пальцы, замерзают реки,
Затянуло пленкой льда любовь навеки.
Кончились все сроки, кончились отсрочки...
Затянуло душу, затянуло строчки...
Точка, как начало, как зародыш цикла,
Затерялась, сжалась, внутрь себя проникла –
Так и сохранилось внутреннее эго –
Внутренняя область – альфа и омега
Будущего цикла с запахом озона,
С еле слышным эхом будущего звона
В свёрнутом пространстве, в Божеской дискете,
Жизнь играет нами, как играют дети...
– Как играют дети? – А самозабвенно,
Так, что жизнь, как время – вечна и мгновенна.

1. ДОМОВОЙ

Я мальчик-с-пальчик, старичок с бородкой,
 Домашний хулиганистый божок.
 Сегодня я рукав тебе прожег,
 А в пятницу огрею сковородкой.
 Нечаянно задену стопку с водкой,
 Обрушу стопку книг в один прыжок,
 Рассыплю пепел: не кури, дружок,
 Подкину рваный рубль: гордись находкой.
 Попробуй, прогони озорника –
 В твою квартиру заползут тоска,
 Дух склепа затхло, дух дома нежилого.
 Я – твой покой, домашний твой уют.
 Махни рукой, иначе засмеют:
 «Дурак хозяин, выгнал домового!»

2. ЧЕРТ

Я молодой, здоровый, сильный черт,
 И просто невозможно не влюбиться
 В мой хвост, в мои рога, в мои копытца, –
 По всем статьям, я парень – высший сорт.
 Чертовски мил и сатанински горд
 Победами. Мне стоит появиться,
 И каждая счастливая девица
 На шее виснет: «Ты мой лорд, мой торт!»
 Глупцы мужчины, знаете ли вы
 Об адской силе чертовой любви,
 И ведомо ли олуху Амуру,
 Что чертова волшебная стрела
 Моим красоткам – вроде помела
 И в ведьмы посвятит любую дуру.

3. ВЕДЬМА

Я ведьма старая, люблю поколдовать.
 Хотите – смейтесь над беззубою старухой,
 Но по ночам тащу себе в кровать
 Какого-нибудь юношу под мухой.
 В мои-то годы нечего скрывать, –
 Я с юности была известной шлюхой.
 Какой бы нынешней дурехе лопухой
 Досталось счастья так попировать.
 А что возьмешь с сегодняшних юнцов,
 Со слабеньких неопытных птенцов, –
 О, кто б терпенья мне наколдовал!
 Полночи идиота плетью учишь,
 Потом в объятьях до смерти замучишь,
 Оплачешь бедного и тащишь труп в подвал.

4. ОБОРОТЕНЬ

Я обожаю свой пехотный полк,
 Люблю солдат, усердно их муштрую
 И гордо на парадах марширую,
 Во всем имею вкус и знаю толк.
 Но по ночам я – оборотень-волк, –
 Не бож и не от голода ворую,
 А, как художник, красотой пирую, –
 О, бархат женщин, о, девичий шелк!
 Я не горю ни злобою, ни мстью,
 И иногда под грубой волчьей шерстью
 Забьется жалость – рудимент людской,
 Но днем увидишь вас, в плащах и платьях,
 И вспоминаешь о ночных объятьях,
 И вновь наполнен волчьей тоской.

5. ВАМПИР

В меня впивались жадные уста,
 Пьянили звуки странной страстной речи:
 «Я тосковал по крови человечьей
 В своей гробнице. Кровь твоя густа,
 Целебна и младенчески чиста.
 Как долго я мечтал о нашей встрече.
 Не сомневайся, я силен, я вечен,
 Но ослабел от долгого поста».
 Теперь-то я узнала, что за сила
 В меня вливалась в тот чудесный миг.
 Когда любовник мой ко мне приник,

Я для себя бессмертья попросила
 И обрела мой драгоценный клык.
 Не злись, я только венку прокусила.

6. НЕЖИТЬ

Мы никому не причиняем зла.
 Зачем вы нас боитесь: «Нежить! Нежить!», –
 А нам так хочется баюкать вас и нежить:
 «Поспи, любимая, пока не умерла».
 С прозекторского гнусного стола,
 Где нас на части пилят, рубят, режут,
 Пытаясь обокрасть, до капли выжать, –
 Поднялся я, в чем мама родила.
 Из морга тихо крался по больнице
 К ее палате: вдруг тебе не спится,
 Желанная, я рад тебе служить...
 Царапалась, визжала и орала,
 Крушила швы иebra, выдирала
 Остатки органов. Нет, вместе нам не жить.

7. ЛЮДОЕД

В своей работе я кудесник и поэт,
 А по натуре гуманист – всю жизнь по моргам.
 И мне в подробностях известен
 каждый орган
 На зуб, на вкус, на свежесть запаха, на цвет.
 Отрежь мяса от мертвеца, –
 какой им вред, –
 За что коллегами оболган и издерган?
 Когда умру, всего себя отдам с восторгом, –
 Хоть суп варите, хоть наделайте котлет.
 Питаюсь мясом, как любой гурман невинный,
 Как вы питаетесь бараниной, свиной,
 Но в человечинке – какой-то смак, секрет.
 Я жду Вас, нежная, сладчайшая. Обед
 Без вас немыслим, – есть один рецепт
 старинный, –
 Не сомневайтесь, я прекрасный людоед.

8. ВУРДАЛАК

Кормите нас, бездомных бедолаг.
 Я с кладбища на кладбище кочую,
 Под плитами могильными ночую,
 Я поедатель трупов, вурдалак.
 Я вам не враг, живым – желаю благ,
 А как умрете – за сто верст учую,
 Зарокот вас и тут же прилечу я
 На чудных перепончатых крылах.
 Грешно меня бояться и стесняться –
 Мне ведомо, какие сны приснятся
 Вам в смертном сне, – скажу, зачем гадать:
 Я, как любовник, вами обладаю,
 Мяском балуюсь, косточки глодаю
 И сплю в могилке вашей. Благодать!

9. СУККУБА

Меня влекут художники, поэты, –
 Ворваться в сон, избавить от забот, –
 Я их дневной полузапретный плод,
 Я по ночам срываю с них запреты.
 Бесчисленны любовные секреты
 У той, что сотни лет «лежала под».
 О, гении, цените мой приход,
 Храните образ, черточки, приметы.
 Я не гоюсь в прислужницы Морфея
 И наглещу Амуру – не Психея,
 Дарю из прихоти, как щедрая царица.
 Но помню те единственные губы:
 «Что он суккубе, что ему суккуба», –
 Да, принц, Вы правы: умереть, забыть...

10. ИНКУБ

Меня зовут инкуб, – «лежащий на»,
 Я, попросту, любвеобильный демон,
 Я по ночам спускаюсь к спящим девам,
 И каждая мне рада и верна, –

То робко ждет, мечтою смущена,
 То мечется во сне и шепчет: «Где он,
 Мой принц, мой ангел?», – то пылает гневом,
 Как мучимая ревностью жена.
 Люблю их удивлять, менять обличья
 И исполнять все прихоти девичьи –
 Котом ласкаться, по-медвежьи сжать.
 Застенчив, нежен, буен и распутен,
 Я Шварценеггер, Буш, Чак Норрис, Путин, –
 О, скольких надо в памяти держать!

11. БЕС

Когда все эти глупые бабенки
 Нахально врут: «Меня попутал бес!», –
 Что им ответить? Не пошла бы в лес,
 И не было б заботы о бесенке.
 Но их мужья, поганые опёнки, –
 Кто взял топор, кто дедовский обрез, –
 Бегут меня искать. Я что – собес?
 Что ж мне теперь – кормить, стирать пеленки?
 Не больно-то беситесь, мужички,
 Озлюсь – поотрываю вам сучки,
 Пушу до смерти странствовать лесами.
 Я не бандит, не пакостник срамной,
 И вашим бабам хорошо со мной,
 А детки... Что ж, воспитывайте сами.

12. РУСАЛКА

Четверг для нас особый день недели,
 Едим одну икру и водку пьем.
 Сегодня мы клиентам подаем
 Русалок, рыбный день у нас в борделе.
 Нет, воды русские еще не оскудели,
 До dna икрой загажен водоем, –
 Мы солим бочками, на экспорт продаем, –
 У нас и в пост клиенты не худели.
 Возьми русалочку, она нема, мокра,
 Куда не надави – ползет икра, –
 Соли да ешь, – свежа, любой закуске
 Под водочку даст верных сто очков.
 А хочешь мотыля и червячков –
 Шесть дней мясных, – и сытно, и по-русски.

13. ДРАКОН

Я ваш защитник, рыцарь, ваш Дракон,
 И всем известно, паладин любой невесте
 Окажет честь, а не «лишает чести»,
 Как было писано каким-то дураком.
 Блюда традицию и почитай закон,
 Не трепыхайся, не дрожжи, лежи на месте.
 Ну что ты бьешься, словно кура на насесте,
 Кудахчешь вздор ужасным хамским языком!
 Что мне, красавица, в твоём
 цыплячем теле, –
 Вы мне столетие назад осточертели,
 Но я служу вам в вашем Праве первой ночи.
 Поверь, любая незнакомая девица
 Сперва кусается, царапается, злится,
 А утром ластится и уходить не хочет.

14. О TEMPORA...

Я вновь на Брокене. Иные времена.
 Мое вконец изголодавшее тело
 Так изнывало, так давно сюда хотело,
 А глотка жаждала хотя б глотка вина.
 Тоска, безведьме... Впрочем, тут была одна
 Не из бессмертных –
 разлагалась и смердела,
 К тому же выдохлась – из Африки летела, –
 Тоща, черна, до неприличия дурна.
 А ведь когда-то здесь пивали Фауст, Гёте
 С оравой ведьм...
 Теперь вы даже не поймете,
 Как цвел разврат, сколь утонченный грех
 Царил на сказочном роскошном карнавале,
 Какие редкостные монстры пировали...
 А что теперь? О, подлый, нищий век.

РЯДОМ С ЧЕЧНЕЙ

Стихи 1995 – 2001

* * *

Собаки Грозного
бесхозные и злые
Меж грозненских руин
зубами рвут погибших
Вчерашних королей
дворов и дискотек

* * *

Акт агрессии тела
С целью кайфа на теле другого
Производится в средах:
текучих, сыпучих, зыбучих
И пахучих, и гибельно-жгучих
А именно:
В молоке и крупе
В аравийском песке и цементе
В алебастре и в извести,
в мазуте и дегте, в асбесте
В животе бронезавра
при бомбометании внезапном
На землице окопов,
на кровостранице законов
Времени Икс, часа «Ч» и еще
На Монблане отходов,
в лохани мочи и в говне
И на звездном ковре
у Блюстителя Смерти за дверью

* * *

Грозный разгромленный...
Вакуумные бомбы...
Кто там в Бога поверит?
А еще говорят – не бывает
Атеистов в окопах,
и пули врага ненавистного
Не достигнет тебя,
Если будешь молиться Аллаху
Или русскому Богу

* * *

В щели земные
В свежие ямы для мусора
В ад холодный, холодный
бросаем заложников-горцев
Выкуп требуем. Цену за жизнь назначаем.

Так вот, бля, и воюем,
так и живем, не скучаем
И за чурок отловленных
бабки большие гребем
Так вот, бля, и живем,
а иного уже и не надо
А чучмек не жалко...
Да и в вашей Америке, бля,
Тоже с ними не цацкались

* * *

Духи незримые
Духи гор некрещеных, враждебных
Ночью, спускаясь в долину
нападают на воинов наших
И на милицию нашу...

Мы уж давно покорили
Эту землю мятежную
но духи ущелий ее
Нас до сих пор не простили

* * *

Истреблением племени
Вечно враждебного
мы запятнали свой путь
Сквозь века и народы
И вот теперь наши внуки
на высотах навеки утративших
Имена изначальные,
поклоняются ночью, таясь
Их богам, воскрешающим каждую ночь

* * *

Ухо врага чернолицего
Лично убитого
в дальней земле некрещеной
Ухо отрезанное аккуратно

В рушничок холщовый,
добротный, завернутое аккуратно
Воин, с фронта вернувшийся, дарит

А потом отбирает
и в черном бреду алкогольном
Поедает прилюдно

* * *

Церковь сказала:
«Воины, чада мои,
Уничтожайте нещадно
врагов веры нашей
Как собак одичалых, уничтожайте
А про Христа милосердного
мы беседу начнем как вернетесь
С поля смерти – калеками»

* * *

*Но в этом парке не слышали шума
Анна Ахматова*

Ранней зеленкой
Смертозащитной
покрылись деревья ижорские
В парке славы российской,
в прекрасном саду сарскосельском

Обелиски, колонны...
Но тихо в аллеях просторных
Ветер вешний
сюда не приносит вестей
Из Чечни мятежной,
из ее непокорных ущелий

СТИХИ О ХУДОЖНИКАХ

1. «ТРОИЦА» РУБЛЕВА

Трое пришли к Аврааму,
трое священо – молчащих
Странствующих и усталых...
Посохи в тонких руках
Чуть склоненные головы. Перезвон
Колокольчиков в поле, во ржи

2. ПОСЛЕ ВЫСТАВКИ ФИЛОНОВА

Какая сила в противоиконе?
В чашах трапециевидных,
в черно-квадратном хлебе
В рыбах ржаво железных,
на сколоченном грубо столе
Что за сила несветлая
в перекошенных лицах застольцев
Трапезы тайной

3. МАЛЕВИЧ

На холсте новотворческом
в ряд, чуть живые стоят
Мужики – обрубки,
а ротозьяв, рот раззяв:
Малевич их творец,
а также лепщик тот,
Кто в Кремле живет,
лепит мир новый

4.

Крыша по Невскому скачет,
и пес за ней
Хочет к Неве присобачить,
а ротозьяв, рот раззяв:
«Ам!» Заглотал «Аврору»
и всякого вздору автобус
Вышли «митьки» на праздник,
катят по площади глобус
Катят по прежнему слезам
Весело, весело нам
Чапай чалуга чапыг...
Весело...месиво...ык

5. ХУДОЖНИК – РАЗРУШИТЕЛЬ ИКОН

Вихрь одежды евангельской
Или руки молящие,
или краешек нимба оставит
Лик святой соскоблив, уничтожив

Он сказал: «Красота разрушенья сильней
Красоты созиданья.
Прекрасны горящие зданья
Акт искусства Нерона,
вернее сказать артефакт
А икона – руина...
Не ближе ли Богу она
Тех, что в храме целехонки?»

О СМЕРТИ И ПОХОРОНАХ

1. ПОХОРОНЫ КРОКОДИЛА

Красный автобус рыдающий
на крокодильское кладбище
В нем Аллигатор в гробу.
Это мы его в ванной держали
Воду меняя, дрожали
и кормили малютками свежими
За валюту немалую
взятыми в Доме Малютки

Вот уже сутки с минуты
Той, когда умер, сдох вдруг
Хищный друг
И в багровом гробу
мы его погрузили в автобус
С надписью «Помним, скорбим»...

2.

Смерть – долгая еда
на кладбище валютном
Где для погибших тел
оплачен дом уютный
Склеп неоплаканный...
И длинный, вдоль могил
В аллее лакомой
кичливой снеди стол

3.

На погосте коммерческом
плата за смертоместо
За хранимые кости
взимается ежемесячно
С дня похорон – вот закон
Ну, а если просрочишь
То выселят прочь, и на свалку
С черепосправкой, без права
На повторный закоп

4. ХОЛМ БЕССМЕРТИЯ В БРЯНСКЕ

Мы скоро все умрем
и лишь нелепый холм
Земли обкомовской,
гора бессмертной Скуки
Останется от нас
и будут наши внуки
Играть и петь на нем...
Но мы уже умрем
И не увидим...

5.

Смерть близкая дерьму
Моче, а не священным
Вещам таинственным,
и вымыслам почтенным
Губолизая – в больничном коридоре.
Но не говори о ней, не надо
Ни в стихах своих,
ни просто в разговоре
Слишком громкие слова "memento mori"
И красиво слишком, если в рифму
Да и не в рифму тоже...

6.

Нет, весь ты не умрешь...
Душа в заметной лире...
А может быть и не в лире,
а в мире тонком
Где встретит Умный Свет
и ты тогда поймешь
Где ложь, а где истина
и почему ты мучился
Здесь, в этом мире

* * *

Из дома в холодную осень
Я вышел в серьезности лет.
С тех пор меня улица носит,
Уронит, поднимет и спросит:
«А где твой, товарищ, билет?»
Насыплет железных конфет.

Холстом, одичавшим без рамки,
Под крышами бродят дома.
И сходят старухи с ума.
И в чреве беременной мамки
Готовится детям сума,
Закат с тополями, тюрьма.

Я всем объясняю причины
Изысканной этой беды:
Бесплодны, как ветер, сады,
Бесплодны, как горе, мужчины,
А я нахватал не по чину.
Полнехонек мозг ерунды,
И выплеснуть бы, но куда?..

Бежать бы от этих кошмаров,
От сердца, от правой руки...
Ночные бормочут звонки,
О страхах припомнивши старых...
Бессонная одурь бульваров,
Тоска да пивные ларьки.

ОБУХОВО

Обухово, на кладбищах твоих
Я буду ждать суда, покоя, мира.

Кресты и звёзды, точно души мёртвых,
Разделены дорожным полотном,
И в небе правит полукровка ворон,
Два гноя в нём текут – он сыт и пьян.

В чужих гробах лежит моя душа
И сквозь гнилые доски прорастает.
Её глаза – кресты, березы, липы,
Простой цветок и драгоценный мрамор,
Безмолвный или с надписью короткой
На клинописном языке иврит.

Два кладбища лежат в душе моей,
Уже не разделённые дорогой.
И нет уже «направо» и «налево»,
Не существует чисел, направлений,
А только почва...Почва и судьба.

Как просто жить на свете фаталистам,
Как в самом деле просто, Боже мой!
Сойти вот так однажды с электрички
И пристально взглянув по сторонам,
Вдруг осознать легко и беспощадно,
Что ничего другого не осталось,
Как только ждать суда, покоя, мира,
Обухово, на кладбищах твоих.

ПОХОРОНЫ – ПЕРЕХОД

1.
Спешит автобус деловито
Через декабрьский мороз.
Здесь много было слез пролито
И в будущем прольется слез.
А он все тянет, тянет ровно,
Паскуднейшая из машин!
Спешит автобус похоронный,
Хотя куда уж тут спешить!
К тому ж на кладбище ветрища,
Ветра, понятно, на кладбище –
Уж так уж там заведено.
А здесь – здесь всё-таки спокойней.
И только мраморный покойник
Стучит о гробовое дно.
А минус двадцать пять – не мало.
А гроб как гроб – не одеяло:
Сосна – никак не пуховик.
«Такие-то дела, полковник,
Наш милый, дорогой покойник,
Когда-то храбрый фронтовик...»
Но совладал инфаркт с солдатом.
Могильщик тихо кроет матом
И трёт свой посиневший нос.
И, до бестактности земные,
Тоскливо думают родные:
«Ну как он там... в такой мороз?»

2.
Земную жизнь да ограничишь сроком,
Гадая, дня не перейдёшь черты!
.....
Качаясь, плыли, разевая рты,
И гроб влекли, и день густел под боком.
Под Богом шли. И мёртвый плакал, рад,
О вечности в цветочках под руками.
И уходил, и напывал кругами,
И обмороки стыли под ногами,

Мертвея лбами у косых оград.
Скрипя ногами, до крови натёрли
Кладбищенский стареющий песок.
Чертился крест и падал на висок,
Тяжёлый гроб покачивался в горле.
А тело всё сочилось меж гвоздей,
И в сапогах чужую грязь месили,
И свечи на могилах не гасили,
И долго гроб вокруг в цветах носили,
И скалил зубы ворон-иудей.
Стриги, душа, на миге перехода!
Стриги легко, наперекор судьбе.
Играй в мажор на мстительной трубе –
Глоток на вдох, и выдох на губе,
Ещё сырой и не живой с испода.

ДАНИИЛ

В пору башням твоим голосить, Вавилон!
В пору башням твоим голосить, Вавилон!
В пору башням твоим голосить, Вавилон!
Тайна слов во дворце на стене.

Что такого сказал этот старый еврей,
Что такого сказал этот старый еврей,
Что такого сказал этот старый еврей,
Что жилплощадь упала в цене?

Он свихнулся: сказал, что падёт Вавилон.
Он свихнулся: сказал, что падёт Вавилон.
Он свихнулся: сказал, что падёт Вавилон.
Вавилону не будет конца!

Он, должно быть, шпион – этот старый еврей!
Он, должно быть, колдун – этот старый еврей!
Он, должно быть, пророк – этот старый еврей!
Поутру – ни царя, ни двора...

* * *

Когда предчувствия гуляет поводырь,
Сама собой расходится воля.
На край беременного поля
Садится птица сил, раскованного горя,
Живого колеса растёт колющий штыр.

Закономерность тем и хороша,
Что накрывает случай тёплым клювом,
Вот отчего я слышу, но не шлю вам
Животный крик, когда кричит душа.

...квадрат окна перечеркнув трубой,
Пространство рвёт громада комбината.
Труба – гобой, три этажа – соната...
Не чёрт ли тут играл? Но если надо,
Я проживу с закушенной губой.

О, как легко... Языческая ширь
В ромашках-лютиках и прочем,
Вся эта видимость, в какую слезы точим,
Ужели всё, о чём в тоске пророчим –
Есть только голосу назначенный пустырь?

О жизни жизнь! Я в ней страдал и жил,
И даже пел решительней, чем пелось.
Скелет познания – не расчет, но смелость.
Открыл окно: труба куда-то делась...
Косые тени вечер положил.

ДОМА, ДОМА...

Отведено пространство. Свезены
Жилые брёвна, доски, гвозди, скобы.
Мелькает плотник. Прямо у стены
В три зеркала трельяж: отражены
В нём дети... Вот как с помощью особых
И тайных сил – с желтухой и котом –
Сквозь годы создаётся Старый Дом.

А можно так: на нежилых камнях
Другого дома, знавшего два века,
Других судеб, ночей бессонных, снега,
Где на окне крест-накрест виден знак...
Не он ли вспоминался мне впотьмах,
Когда я ждал покоя и ночи?

А я б хотел, отняв себя от глаз
Своих и мышц своих, хотя б на час
Внервуться и почувствовать сквозь годы
Ангину с молоком и ложкой соды,
Ту скатерть, что однажды искромсал...
Хотя б на час войти под эти своды,
Где воздух жил и призрак воскресал!

Но не узнаешь, подойдя... И вот,
Он, дрогнув, скроется. И Новый Дом войдёт
В твои далёкие от здешней яви мысли...
А Старый Дом в прошедшее зачислил,
Закрой на ключ, очисти от примет,
Забудь совсем, оставь векам для слома...
Вернись вперёд, и возле двери дома:
Дома! – скажи – Дома!
А их и нет.

ЭТО ВСПОМИНАЕТСЯ

Вошёл и двери затворил
И ты со мной вошла
Свидетель если и парил
То пообжёт крыла
Земля в томленьи и стыде
Была как мы гола
И где казалась плоть звезде
Там лампочка плыла
Но было в этой густоте
Прозрачней чем в раю
И пали яблоки как те
На голову мою
А я не чувствовал но знал
Не знал но видел сон
А сон светлее вспоминал
И распался он
И свет всталал рождая блеск
И блеск кричал упав
А на икону капал воск
И затекал в рукав
Тогда удвоились глаза
И отделили тьму
И если плавилась слеза
То не узнать кому
И обезлюбленная даль
Под баюшки-баю
Как кровля падала в печаль
На голову мою

ВОСПОМИНАНИЯ В ТЕРИОКАХ

желдорковский посёлок дач
зеленогорск тоска
и я не плачь и ты не плачь
влачи легко пока

свинцом и содой свет стоит
острей ножей края
и ледяным лучом летит
улыбочка моя

к твоим губам моя душа
летит в слезах спеша
так трудно без тебя дышать
что легче не дышать

прорезав время поперек
я мог бы уберечь
не знавшую юродства речь
а вот не уберег

из плача в плач окину дол
сглотну последний ком
и зубы выложу в рядок
с примерзшим языком

но так представить тяжело
снег дача вороньё
что наше время истекло
и началось моё

* * *

« Природа тот же Рим...»
О.Э.М.

Быка любившая матрона, bravo!
За бабью стать твою и дышащую справно
Тугую плоть – я, грезящий во тьме
Своих времён, оттачиваю жало,
И Рима обмелевшая держава,
Как некий пласт, раскинулась в уме.

Мужчина – минибык. Но бык-то уж навряд ли
Мужчина (это ведь неважно, что рога
Есть украшеньё общее)... Строга
Наука логика, хотя не дорога,
Лишь были б внутренние органы в порядке.
А встречи, надо думать, были сладки.

И ты, тунику лёгкую задрав
До крепкой шеи и склонившись,
Была по-своему права, с природой слившись,
И бык – природа был не меньше прав.

И семенем накачанная туга,
Патрицианочка, бычачьих чресл супруга,
Глотай бодрящую горячую струю,
Покуда для тебя не вылепили друга,
Что душу даст тебе и выжжет плоть твою.

Покуда нежный зверь, собой объявши древо
И свесившись с ветвей, не скажет:
– Где ты, Ева?

Вот яблоко тебе.
– А это вкусно?

– Да.
И друга повстречав, с ним яблоко разделит.
И рай последний раз для них постель постелит,
И выведет из врат, и отошлёт в стада.

СтихОопыты

ИЗ ЦИКЛА
«ТАНЦЫ БУКВ»

НА ТЕМУ: «РЕВОЛЮЦИЯ»

ре ре ре ля
Рев: Воль! Вер!
В.И.Л.:
Вол, реви: Во-лю!
Р е в о л ю ц и я
Е в р о в о л я
Во-лю! Во-лю!
Рояль, рви: ре ля $\frac{ре}{ля}$ $\frac{ре}{ля}$

Ло-ре-лея?
Воля,
рея,
вея в лицо
явор ели ил цвель: июль
Яри, ярило!
Ряв,
рои,
яро ревя,
веря:
в волю воль,
в явь яви,
в Я

В.И.Л., вели!
Велю:
ври о воле!

Вор:
Я верил в ер и в ерь,
я ел яйцо –
и цо?

Воля?
Вею, юля.
Во-ля-ля!

Виляю: яволь!
Я вор-ярец.
О лов:
велюр: ювелир? Лир!
(ливр, лея).
Я лев в орле
(орел во льве),

рвец я,
ловец цели.
Воюя, явил (лоция!):
цель в цель!
Цел?

Я цервь
(ревя)
В цедро!
(вяло воя)

В ров его!
Це я!
Вó цель:
ловя, лови явь яви
26.08.99

ИЗ ЦИКЛА
«ТАНЦЫ СЛОВ»

ЖИТЬ НАДО ВСЕМ–2

жить надо всем жить
надо надо надо всем
жить надо надо всем
надо всем жить надо
всем надо надо всем
жить жить жить надо
жить надо жить жить
жить всем надо всем
надо надо всем всем
всем надо всем жить
надо всем надо всем
надо жить надо жить

жить надо жить надо
всем жить жить жить
надо всем надо надо
надо надо надо всем
надо жить надо всем
надо надо всем жить
всем надо надо жить
надо жить жить надо
всем всем надо надо
жить всем всем надо
всем надо жить всем
всем жить всем жить

НАДО ДАТЬ ЖИТЬ ВСЕМ–1

(Строгий вариант)

надо дать жить всем
дать жить всем надо
жить всем надо дать
всем надо дать жить

надо жить всем дать
жить всем дать надо
всем дать надо жить
дать надо жить всем

надо всем дать жить
всем дать жить надо
дать жить надо всем
жить надо всем дать

надо всем жить дать
всем жить дать надо
жить дать надо всем
дать надо всем жить

надо дать всем жить
дать всем жить надо
всем жить надо дать
жить надо дать всем

надо жить дать всем
жить дать всем надо
дать всем надо жить
всем надо жить дать

Март 2001

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Вариации

1

Когда пробьет последний час природы
когда пробьет природы час последний
природы час пробьет когда последний
последний час пробьет когда пробьет

Когда пробьет когда пробьет когда про-
бьет час природы час пробьет природы
пробьет пробьет природы час последний
пробьет пробьет последний час пробьет

Когда когда природы час природы
пробьет? когда пробьет когда последний
природы час природы час природы?
последний час когда последний час?

Когда пробьет – пробьет, когда природы –
пробьет, когда последний час последний
пробьет последний час пробьет природы
пробьет последний час, когда пробьет

2

Состав частей разрушится земных
состав разрушится земных частей
разрушится состав частей земных
разрушится земных частей состав

Разрушится разрушится состав
разрушится разрушится частей
состав частей состав частей земных
частей земных частей земных состав

Состав земных частей, частей частей,
частей частей частей разрушит ся,
раз-рушится разру-шится раз-ру-
шит-ся состав земных частей

Состав разрушится разрушится состав
земных разрушится разрушится земных
частей состав состав состав состав
земных частей состав частей состав

3

Все зримое опять покроют воды
все зримое покроют, все опять:
покроют воды – зримое покроют,
покроют воды зримое опять

Опять покроют все опять покроют
все зримое все зримое. Все зри:
мое покроют, все мое покроют
покроют все, опять покроют все

Все, воды, все! – Покроют все покроют
Все, воды, все! – Покроют все опять
покроют все покроют все покроют
все-все покроют зримое опять

Опять покроют воды все, опять
покроют воды все, опять покроют
все воды воды воды воды во-
дыводыводыводы все покроют

4

Когда пробьет последний час частей
земных – разрушится состав природы
когда пробьет – разрушится состав
когда пробьет – все-все покроют воды

Пробьет – состав разрушится,
пробьет –
все зримое разрушится

и воды
покроют все в последний час частей
покроют все в последний час природы

Раз – рушится и рушится состав
частей.

И все.

Последний час.

И – воды.

И Божий лик изобразится в них!

Ну а кому тогда он будет нужен?
Скажи, кому?

2001

самиздат

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

ОЖИГАНОВ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ ✕ 2 октября 1944 (Одесса).

Вырос в Молдавии. Учился на филологическом факультете Кишиневского университета, затем четыре года – на философском факультете ЛГУ. В 1967–80 с перерывами жил в Ленинграде. Работал кочегаром в газовой котельной и принимал активное участие в неофициальной литературной жизни. Выпустил самиздатские сборники стихов «Стрекоза» (1974) и «Трещотка» (1977). Стихи публиковались в машинописных сборниках «Живое зеркало» (1972, 1974) и «Лепта» (1975), журналах «Часы», «37», в антологии «Острова» (1982) и за границей.

В.Кривулин писал: «Поэзия его рассчитана на читателя, который способен свободно ориентироваться в сложных ассоциативных ходах, улавливать прихотливые и изысканные литературные аллюзии. Судьба мировой культуры – главная тема стихов Ожиганова, и тема эта решается не на абстрактном материале, а исходя из нашего советского опыта – опыта культурной и духовной бездомности, изначальной заброшенности мыслящего человека в мир, построенный по законам лагерной зоны, и в язык, порожденный параноическим призрачным сознанием. Странная поэтика стихов Ожиганова – несколько сюрреалистичная, глуховато-взрывчатая, обостренно-совестливая – коренится глубоко и в заветах русского Серебряного века и в традициях европейского неоромантизма».

В 1980 поселился в Самаре (Куйбышев), в 1997 переехал в Москву. Стихи печатались в журналах «Волга», «Юность», «Дружба народов». Опубликовал ряд эссе на литературные темы в газете «Цирк Олимп» (Самара) и журнале «Литературное обозрение».

Соч.: Острова; Самиздат века; Строфы века; У Голубой Лагуны, 3 Б.

Стихи // Часы, №№ 3 (1976), 7 (1977), 16 (1978); Голос, № 9 (1978); «37», № 14 (1978); Эхо, 1980, № 2; Волга, 1992, № 9/10 (Вступит. ст. В. Кривулина), 1993, №№ 1, 6.

[Из кн.: Самиздат Ленинграда 1953–1991: Литературная энциклопедия / Под общ. ред. Д. Я. Северюхина. СПб.: Нотабене, 2002 (готовится)]

Дмитрий Северюхин

Александр Ожиганов живёт себе... Не суетясь, не встраиваясь в общую яркую картинку литературной жизни, да и жизни вообще...

Живёт, зная о своих стихах всё – как знает большой поэт – и чего они стоят, и что стоят они Н И Ч Е Г О, т.е. перетекают в Вечность, соотносятся с ней, становятся ею.

И может быть о нас, уходящих, и о нашем, ещё не окостеневшем времени, лучше него никто и не сказал:

Мы только тем и знамениты,
что нас не знает никого
и мы никто не знаем – квиты!
Где подконвойный?... где конвой?..

мы только тем и знамениты,
что позже смертью всех живём
и раньше жизнью всех забыты:
ещё трупём, уже живьём.

мы только тем и знамениты,
что мама мыла раму, Ма –
ша ела кашу – эрудиты
от небольшого же ума.

Мы только тем и знамениты...

Тамара Буковская

СТРЕКОЗА

Н.В.Д.

Улыбался, Плавал, Пировал.
Впереди – Клухорский перевал.

Ветер с гор. Костер на берегу,
Муравьиный, кислый запах тлена.
И горят шиповники в снегу
у туберкулезного Ульгена.

Ветер с гор. И чёрная лоза.
В это время пляшет стрекоза...

На снегу – кристаллы папирос,
Ржавые консервные коробки.
И ложатся лозы поперек
Муравьиной сумеречной тропки.

В это время вольная душа
Необыкновенно хороша!

И свистит, свистит – катит в глаза
Ледяная флейта перевала!..
И беспечно пляшет стрекоза
На тупых колючках астрагала!

В это время, рядом, у костра,
Научи плясать меня, сестра!

1959-69

* * *

Олегу Охупкину

На высоте подъёмных кранов –
Стук вилкок, звяканье стаканов:
Здесь, за столом из чемоданов,
За пепельницей голубой,
За табаком феодосийским,
За сладкой «Искрой», за арийским
Минорным клёкотом, за низким
Столом – наедине с тобой
Мы день рождения справляем,
Как будто друга оставляем
За Волгой или за Дунаем
В слезах и с чашкою пустой:
Всё выпито давно, подруга
Уходит, не касаясь круга
Дрожащего, как древко лука,
Расставшегося со стрелой...

Но тем и хороша баллада,
Что оправдания не надо,
Когда от нас до Ленинграда
По-прежнему подать рукой
И за окном пятиконечный
Цветок сиреневый и млечный
Горит и сумрак вековечный
Охватывает нас с тобой!

1973

* * *

В.К.

Цветы и фрукты, гётевский каприз –
Короткий взгляд на землю: сверху вниз,
Садовник и садовница – сюрприз,
Открытие ночного карнавала...
Меж тем как Фауст учит монолог,
Подменный шут оттачивает слог
И нюхает цветы. Он хромоног.
И всё же он – распорядитель бала.

Живой или искусственный цветок,
Герл иль Елены круглый локоток,

Грудь или яблоко, яйцо, глазной белок,
Плоть или призрак плоти – комья праха!
Маэстро избегает жестких норм,
Стандартизации и трафаретных форм.
Чернила или кровь? Танцмейстер хром.
И он кромсает всё, не зная страха.

Шарахается пёстрая толпа:
То влево падает, то валит вправо!
Маэстро щёлкнет пальцами – тюльпан,
Ещё прищёлкнет – сточная канава!
Танцуют! Ещё как! Такие па
Выделявают! Рыцари! Орава!...
А за порогом – горная тропа...

Цветы и фрукты – чёртова забава.
1974

ФАКР*

1.

Взбрыкнув козлиными ногами,
заверчивая смерчем пыль,
сплошными страшными ночами
факир пылает как фитиль!..

Не эти шарики руками
перебирает перед вами:
факир жонглирует мирами
и сам пылает как фитиль.

Ах, штучки-дрючки, фокус-покус!
У нищего – высокий тонус.
Факир – сужающийся конус
волчка – пылает как фитиль...

Арабы, персы и татары
хохочут. Брошены товары.
В пыли – дирхемы и динары...
Факир пылает как фитиль!

О, правоверные Востока,
жизнь беспросветна и жестока,
но, озаряя путь пророка,
факир пылает как фитиль!

2.

Мне сказал однажды нищий:
«Нищета – залог здоровья!
От имущества и пищи
откажись без предисловья».

Но, подверженный сомнению,
я почтенному ответил:
«Без еды я стану тенью,
и пойдут по миру дети

без имущества» – «Конечно! –
закричал старик без страха.
– Но живущий безусловно
обретает путь Аллаха,

на котором все лишенья
завершатся вскоре пиром!»
И тогда без промедленья
припустил я за факиром.

Разорвав мирские сети,
бросил я еду и платье.
И пошли по миру дети,
посылая мне проклятья.

И товарищи в шалманах,
говоря о происшедшем,
повторяли: «Странно! странно!..» –
и считали сумасшедшим.

Отощавший от хождения,
то и дело я факира
тормошил: «Когда ж лишенья
доведут меня до праха?!»

И старик, потертый ковер
расстилая для намаза,
усмехался: «Вскоре! вскоре!..»
Поразил его проказа!

Но – заплаты на заплаты –
только мой халат менялся.
И однажды провожатый
неожиданно скончался.

Боже! поздно или рано
всё кончается на свете...
Но однажды у шалмана
я прохожего заметил.

И сказал ему я, нищий:
«Нищета – залог здоровья!
От имущества и пищи
откажись без предисловья».

Но, подверженный сомнению,
он почтительно ответил:
«Без еды я стану тенью,
и пойдут по миру дети

без имущества» – «Конечно! –
я сказал ему без страха.
– Но живущий безусловно
обретает путь Аллаха!»

3.

Ах, алейкум ас-салам,
палка, ковер и калам,**
за сокровища Востока
не отдам вас... не отдам!

1980-е

*Факир – нищета (арабск.)

**Калам – тростниковая палочка для письма
(арабск.)

МЕДУЗА

Жир жёлто-серый брызнул из спины,
как сперма, обдавая пальцы вонью,
и стали позвонки видны,
прикрытые трясущейся ладонью.
Там, где торчал малиновый волдырь, –
теперь дыра, просвет в глухую темень
души, и третий глаз, как поводырь,
раздвинул гладко выбритое темя.
Мешком Персея вздулся мочевого
пузырь. Пегас, спелёнутый в горгоне,
запутался в плаценте, как в попоне...
«Вот, посмотри. Что видишь?» – «Ничего!»
Динарий – Богу, кесарево – ей!
Дыханье – вон, и волосы – клубками...
И, боже мой, кто, наклонившись к ней,
не превратится в камень!

АЛТАРЬ

Только мухи и мыши. Чума.
Ночь. И поминовенья чудовищ.
И пропахшая тинной тюрьма
пеленает чадающую совесть.
Наклоняясь и воя, Орфей,
масло в трещину лей, масло лей!
Пузырями пошла киноварь.
волчий голод – всё мало и мало!
И опять передвинут алтарь
из-за очередного обвала.
Это светобоязнь дикаря:
глубже...глубже...И всё – потерял!
«Сумасшедший, отдай!» – «Отгадай!»
(Материнские страхи Латоны)
В створе – огненным лезвием край
мантии Основные законы
выжигает. И блеет Орфей
в окружении хора зверей.
«Отгадай! отгадай! отгадай!..»
Пальцы скручиваются пружинной.

Глубже! Судорожное «Отдай!»
– «На!» Ладони облеплены тинной
(гимн Орфея ли? волчий ли вой?):
Н И Ч Е Г О

ОРАКУЛ

Имитация речи прямой –
разновидность прямого молчания:
транскрибированного рычания
повторение! – голос не мой
и ничей – родового горшка,
яйцевидной посуды горло,
чтобы прело, кипело и пёрло
позади языка – от ушка
до ушка! – говорящие сверла
кремнезёма, глазастый казан
с отпечатками прутьев на коже...

...Просверлил! – этим все и сказал.
И казнил под собой на рогоже.

1978

* * *

Как не хотелось жить, как не жилось
здесь, в Куйбышеве, кажется?.. В Самаре?..
где время шло, качаясь, вкривь и вкось,
как кочегар в хроническом угаре,
где шарканье дворницкой метлы
в потемках из постели выметало:
котлы и печи, печи и котлы
и электричество полуподвала –
на глубине гробов, где рвалась нить
сестры, в раю бетона и металла,
где не жилось, где не хотелось жить,
где воздуха и света не хватало!

1990-е

* * *

Бубнил бы в потолок,
в глухой паучий мрак,
и никаких бумаг! –
писать, старик, порок,
когда твой адресат
уже на небесах...
А ежели писах,
то как слепой собрат:
водою на воде,
без смысла и следа.
Нигде и никогда.
Точней, сейчас и здесь.

1990-е

* * *

С.Л.

Что ни пиши – пиши пропало.
Пишу: **пропало...** Ерунда,
здесь ничего и не бывало
на самом деле. Никогда.
Ото всего – одни названья.
Я сам, семья, работа, дом –
названия без основанья,
буквальный, буквенный фантом.
Нет, нет и не было Самары,
Одессы, Питера, Кремля...
Описки. Ляпсусы. Кошмары.
И мыльным пузырьём Земля,
переливаясь, на мгновенье
пританет одурелый взгляд,
как встрявшее в стихотворенье
словечко **цирк...** или **лейбград...**

1990-е

* * *

Ни биографии, ни био:
всё исчезает, как у Кио.
Кто выдвигал и задвигал
двойное днище?..
Меня засунули в подвал
через горчице.

1990-е